

УДК 930.2(47)''1930 / 1940'':811.16

**ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭТАПА ВОЗРОЖДЕНИЯ И
СТАНОВЛЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
В КОНЦЕ 1930-Х И 1940-Е ГОДЫ**

М. Ю. Досталь

Российская академия наук,
Институт славяноведения, г. Москва

В статье впервые освещаются особенности этапа возрождения и становления отечественного славяноведения на марксистской основе в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы, выделенный и обоснованный автором на базе изучения значительного числа архивных материалов и опубликованных источников.

Ключевые слова: история российского славяноведения, история славянских народов, славянская филология, славянская идеология, тоталитаризм, космополитизм.

Проблема возрождения советской славистики в конце 30-х гг. прошлого века, нашла сложное и достаточно противоречивое освещение в отечественной литературе¹. Долгое время этот феномен вообще игнорировался, так как авторы ставили своей задачей показать бесконфликтный и однолинейный прогресс славистических исследований в СССР². Тем не менее, важно отметить наметившуюся в литературе констатацию факта одновременной активизации славистических исследований в области истории и филоло-

¹ Досталь М.Ю. Проблема возрождения российской славистики перед Второй мировой войной в отечественной историографии // Славянский альманах. 2004. М., 2005. С. 240–284.

² Готье Ю. В. Славяноведение в России и СССР (Публикация А. Е. Москаленко) // Из истории университетского славяноведения в СССР. М., 1983. С. 146–161; Неедлы З. К истории славяноведения до XVIII века // Историк-марксист. 1941. № 2. С. 81–94; Пичета В. И. К истории славяноведения в СССР // Историк-марксист. 1941. № 3. С. 36–61; Державин Н.С. Историческая наука у славян и задачи советского славяноведения // Исторический журнал. 1942. № 1. С. 49–56; Пичета В. И., Шустер У. А. Славяноведение в СССР за 25 лет // 25 лет исторической науки в СССР. М.; Л., 1942. С. 222–235; Пичета В. И. Академия наук и славяноведение // Вестник Академии наук. 1945. № 5–6. С. 157–175; Державин Н. С. О задачах советского славяноведения // Славяне. 1947. № 9. С. 3–7; Никитин С. А. Работы советских ученых в области истории и филологии зарубежных славян // Славяне. 1948. № 5. С. 29–34; Сидоров А. Л. Достижения советской науки в изучении истории славянских народов // Славяне. 1948. № 6. С. 14–27; Королюк В. Д., Хренов И. А. Итоги и задачи славистических исследований в СССР (1945–1959) // Вопросы истории. 1960. № 6. С. 117–135; Королюк В. Д., Толстой Н. И., Хренов И. А., Шептунов И. М., Шерлаимова С. А. Советское славяноведение. Краткий обзор литературы. 1945–1963. М., 1963 и др.

гии, тесно связанной с созданием определённых центров славистики³. Только со времени «перестройки» конца 1980-х гг., когда стало возможно открыто писать о репрессиях (под колесо которых попали и отечественные слависты) и углубленно изучать печальные реалии выживания отечественной славистики, приведшие к её почти полному уничтожению к 1934 г. (зловещим символом данного процесса стало закрытие державинского Института славяноведения в Ленинграде), т. е. показать реальный упадок славистики в СССР⁴. Тогда и встал вопрос и о его возрождении, интуитивно отмеченный в предшествующей литературе⁵. В связи с этим необходимо, по нашему мнению, пересмотр периодизации отечественного славяноведения⁶, закономерное выделение периода Второй мировой войны как особого этапа его развития, что уже предпринималось в работах В. Д. Королюка⁷, и продолжение его, по крайней мере, до времени основания в 1947 г. комплексного Института славяноведения, знаменовавшего новый этап в развитии славистических исследований. В своей книге мы обосновывали необходимость пролонгировать данный этап до конца 1940-х гг., когда оформился блок стран «народной демократии», на идейное обоснование которого работали наши слависты, к тому же тогда наметилось изменение и ряда университетских славистических структур и пр., временно завершились погромные идеологические кампании и т. д. Особой задачей является также систематизация и углублённый анализ объективных и субъективных факторов, способствовавших возрождению отечественного славяноведения в указанный период, определение специфики его развития в «тенетах» противоборствующих идеологических тенденций и пр.⁸

³ Маслов Ю. С. Изучение южных и западных славянских языков в СССР за последние десять лет. М., 1955. С. 3.

⁴ Лантева Л. П. К вопросу об основных этапах развития отечественного славяноведения (1835–1985) // Вопросы историографии и истории зарубежных славянских народов. М., 1987. С. 3–17; Бернштейн С. Б. Трагическая страница из истории славянской филологии (30-е годы XX века) // Советское славяноведение. 1989. № 1. С. 77–82; Горяинов А. Н. Славяноведы – жертвы репрессий 1920–1940-х годов. Некоторые неизвестные страницы из истории советской науки // Советское славяноведение. М., 1990. № 2. С. 78–89; Аксенова Е. П. Очерки из истории отечественного славяноведения. 1930-е годы. М., 2000; Робинсон М. А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М., 2004; Горяинов А. Н. В России и в эмиграции. Очерки по истории отечественного славяноведения первой половины XX века. М., 2006; Лантева Л. П. Кризис славяноведения в России в период с 1917 до середины 30-х годов // Slavia. Časopis pro slovanskou filologii. Praha, 2010. Roč. 79. С. 167–180 и др.

⁵ Бернштейн С. Б. Советской славянской филологии 50 лет // Советское славяноведение. 1967. № 5. С. 88; Славяноведение // СИЭ. 1971. Т. 13. С. 18. (автор раздела В. Д. Королюк); Логачев К. И. Первый этап развития советского славяноведения (славистические учреждения Академии наук в 1917–1934 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979. С. 22 и др.

⁶ Краткий обзор основных этапов истории советского славяноведения // Славяноведение в СССР. Изучение южных и западных славян. Библиографический словарь. New York, 1993. С. 6. В этом обзоре выделен этап Великой Отечественной войны 1941–1945.

⁷ Славяноведение // СИЭ. 1971. Т. 13. С. 18–19 (Автор раздела В. Д. Королюк).

⁸ Подробнее см.: Досталь М. Ю. Как Феникс из пепла... (Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и в первые послевоенные годы). М., 2009.

Что касается освещения конкретного развития отечественной славистики в период и после Второй мировой войны, то литература по этой проблематике довольно фрагментарна и противоречива. Эти годы многие исследователи полагали «проходными» в истории российского славяноведения и не считали нужным на них останавливаться. Основанием для такой позиции служило то обстоятельство, что большинство славистических работ данного периода откровенно работало на антифашистскую пропаганду, на утверждение романтических идей славянской солидарности и боевого содружества славянских народов, что мало согласовалось с источниками, и потому в послевоенный период скоро вышло из научного употребления⁹. В предисловии к библиографическому словарю «Славяноведение в СССР» (1993) период Великой Отечественной войны рассматривался авторами только как деформация «естественного процесса развития советского славяноведения»¹⁰. Всё это так, но не следует забывать, что академически «спокойные» предвоенные исследования (не исключавшие публицистической «боевитости»), были продолжены в условиях кровавой изнурительной Отечественной войны, когда ни один учёный-патриот не мог себе позволить оставаться только в рамках академической науки. Поэтому наряду с критической оценкой состояния славяноведения в СССР военного времени, мы полагаем, заслуживает внимания продуктивное мнение о закономерности и целесообразности существования именно такой «пропагандистской», своего рода инкубационной формы, становления этой отрасли науки на марксистской основе в данный период. «В годы Второй мировой войны, когда германский фашизм создал смертельную угрозу самому существованию славянских народов, – писали советские слависты в 1963 г., – разработка вопросов истории, истории культуры и языка зарубежных славянских стран приобрела особенно большую научную и политическую актуальность. Вскрывая теоретическую и фактологическую несостоятельность фашистских “остфоршеров”, так называемых исследователей Востока, разоблачая звериное существо их расистских взглядов, анализируя социальные корни германского фашизма с учётом конкретно-исторической обстановки, изучая вековой “Drang nach Osten” германских феодалов и германских империалистов, советские слависты и германисты активно участвовали в благородной борьбе против гитлеризма, отстаивая право всех народов – больших и малых – на самостоятельное существование»¹¹. Таким образом, по справедливому мнению данных авторов, славистика военного времени, более явно, чем в другие периоды, выполняла социальный заказ общества и была им востребована, внося свою лепту в идейный разгром фашизма, без чего невозможно себе и представить последующее развитие этой и других отраслей науки в нашей стране. И эта востребованность

⁹ Белявская И. М., Очак И. Д. Некоторые проблемы истории зарубежных славянских народов в советской исторической науке // Славянская историография. М., 1966. С. 14.

¹⁰ Краткий обзор основных этапов истории советского славяноведения... С. 9.

¹¹ Королюк В. Д., Толстой Н. И., Хренов И. А., Шептунов И. М., Шерлаимова С. А. Советское славяноведение... С. 5–6.

ощущалась до конца 1940-х гг., пока партийно-государственный конфликт 1948 г. между СССР и Югославией не привёл к свертыванию пропаганды «славянской солидарности» и укреплению идеологии пролетарского интернационализма.

Судьбы отечественного славяноведения после Октябрьской революции сложились трагически. Некогда процветающая отрасль российской науки, базирующаяся на этнонациональной славянской идеологии, не вписывалась в «прокрустово ложе» классового пролетарского интернационализма новых властей. Славянскую филологию обвинили в распространении идей панславизма, позднее расизма и фашизма, а специалистов в этой области ещё и в контрреволюционности, монархизме, верности Православной церкви и пр., чему давала повод и массовая эмиграция славистов за рубеж. Поэтому многочисленные славистические центры (кафедры в университетах, комиссии и отделения русского языка и словесности (ОРЯС) в Академии наук) закрывались, специалисты, лишившись средств существования, погибали от голода и холода в лихолетье Гражданской войны, в лучшем случае переквалифицировались, позднее подвергались репрессиям и пр.¹²

Возрождение российского славяноведения началось в 1939 г. после его практической ликвидации и дискредитации в начале 1930-х гг. и закрытия ленинградского Института славяноведения в 1934 г. Этому способствовали ряд объективных (начало Второй мировой войны и поиск возможных союзников среди поработаемых фашизмом славян во внешней политике, поворот к государственному патриотизму и отвержение классово-нигилистических «школ» историка М. Н. Покровского и литературоведа В. Ф. Переверзева во внутренней политике, соображения престижа советской науки и пр.) и субъективных (титанические усилия ведущих славистов по убеждению в целесообразности возрождения партийно-государственного и академического руководства) факторов. Оно могло происходить только в русле господствующей идеологии на основе марксистской методологии и потому быстрее всего произошло в исторической его части, которая адекватнее всего могла выполнить социальный заказ общества и советского руководства в напряженный предвоенный период. Позднее в годы войны эта востребованность реализовалась и в области славянской филологии¹³.

В годы Великой Отечественной войны славяноведение также развивалось в русле доминирующей идеологии пролетарского интернационализма, но в сугубо классовую интерпретацию исторических явлений теперь позволялось и поощрялось вносить элементы патриотизма и способствовать формированию идеологии славянской солидарности, даже русоцентризма, в русле развиваемой антифашистской пропаганды. В период послевоенного

¹² Подробнее см.: *Бернштейн С. Б.* Трагическая страница из истории славянской филологии. С. 77–82; *Робинсон М. А.* Указ. соч.; *Лантева Л. П.* Кризис славяноведения в России в период с 1917 до середины 30-х годов. С. 167–180 и др.

¹³ Подробнее см.: *Досталь М. Ю.* Славистика между пролетарским интернационализмом и славянской идеей (1917–1941) // *Славянский альманах.* 2006. М., 2007. С. 114–140.

формирования блока, прежде всего, славянских государств вокруг СССР верность славянской идеологии ещё декларировалась, но партийно-государственный конфликт между СССР и Югославией в 1948 г. привел к отказу от неё, как и факт вхождения в блок и неславянских государств. Всеобъемлющей идеологией вновь был провозглашён пролетарский интернационализм, а оживление классового и партийного подхода к истории и литературе «укрепляли» погромные идеологические кампании конца 1940-х гг.¹⁴

Становление «нового» славяноведения на марксистской основе в Советской России прошло длительный путь организации его структур в рамках университетов и АН СССР. Оно происходило прежде всего в университетах Москвы и Ленинграда и академических институтах этих столичных городов и гораздо позднее – в регионах.

Первоначально, необходимо было решить вопрос о формировании кадров отечественных славистов. С этой целью на истфаке МГУ в 1939 г. была создана кафедра истории южных и западных славян под руководством профессора В. И. Пичеты, которая в труднейших условиях войны, голода, разрухи, эвакуации и реэвакуации сумела выработать долгосрочные программы обучения студентов и аспирантов основам профессии историка-слависта, учила методам изучения источников и творческой трактовке трудов классиков марксизма (в семинаре «пичетники»). Тем самым кафедра успешно выполнила задачу подготовки молодого поколения историков-славистов и заложила крепкие основы для последующего преподавания предмета. Члены кафедры постоянно находились в самой гуще научных исследований, так как ведущие преподаватели кафедры В. И. Пичета, З. Р. Неядлы, С. А. Никитин и др. успешно совмещали преподавательскую деятельность с интенсивной научной работой¹⁵. Аналогичную кафедру в ЛГУ Н. С. Державину в то время организовать не удалось¹⁶.

Кафедры славянской филологии в МГУ и ЛГУ, под формальным руководством Н. С. Державина начали свою работу в 1943 и 1944 гг. Фактическими их руководителями выступали соответственно С. Б. Бернштейн и Э. А. Якубинская-Лемберг., оба стойкие противники марксизма в языкознании, объявленного творческим применением марксизма в этой науке. В этих университетах также успешно удалось сформировать схожие долгосрочные программы преподавания предмета славянской филологии в полном объёме на традиционных началах, включая теоретическое и практическое изучение болгарского, чешского, польского и сербохорватского языков и литератур, старославянского языка и даже не жалуемой марристами сравнительной грамматики славянских языков. В связи с нехваткой спе-

¹⁴ Досталь М. Ю. Славистика между пролетарским интернационализмом и славянской идеей (1941–1948) // Славяноведение. 2007. № 2. С. 17–34.

¹⁵ Ненашева З. С. Истории южных и западных славян кафедра // Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет. М., 2004. С. 198–207 и др.; Досталь М. Ю. Кафедра истории южных и западных славян МГУ накануне и в годы Великой Отечественной войны: к 65-летию основания // Славяноведение. 2004. № 4. С. 48–67.

¹⁶ Аржакова Л. М. Кафедра истории славянских и балканских стран // Исторический факультет Санкт-Петербургского университета. 1934–2004. СПб., 2004. С. 262–277.

циалистов первоначально в МГУ был сделан крен на славянское языкознание, а в ЛГУ – на изучение славянских литератур. В 1948 г. кафедры временно разделились. Оба подразделения качественно выполнили поставленные задачи и подготовили значительное число квалифицированных филологов-славистов, успешно работавших далее на ниве славянской филологии. Проводилась и научная работа¹⁷.

Развитие науки в тоталитарном и любом обществе значительно стимулируется наличием соответствующих научных исследовательских структур. Такие центры в области изучения истории славянских народов и отчасти их языков были созданы в академических институтах. В Институте истории АН СССР в 1939–1946 гг. функционировал под руководством В.И. Пичеты Сектор славяноведения. В данный период Сектор успешно выполнял задачи по формированию основных направлений исследований истории славянских народов в русле господствующей идеологии на перспективу и задач антифашистской пропаганды. В разработке конкретных исторических проблем на марксистской основе, особенно по новейшей истории, деятельное участие приняли историки-политэмигранты. В задачи Сектора входила и подготовка капитальных изданий по истории отдельных славянских стран – Польши, Чехии, Сербии, Болгарии от древности до современности, которые, к сожалению, были реализованы лишь частично. Узким местом работы Сектора была невозможность публикации в военное время подготовленных общих и индивидуальных трудов, но это отчасти компенсировалось устной формой их изложения – практикой регулярных научных докладов по всем ведущимся научным исследованиям. Сектор решал задачи не только научного роста ведущих ученых, но и подготовки (через аспирантуру и научные заседания) молодых кадров историков-славистов¹⁸.

Основанная Н. С. Державиным Славянская комиссия при Президиуме АН СССР (1942–1946) выполняла задачи по формированию и консолидации кадров славистов для будущего Института славяноведения и обсуждению (иногда с элементами марризма) основных вопросов разных отраслей славяноведения – литературоведения, языкознания, истории, фольклористики, этнографии, правоведения. Обсуждения тоже проводились в устной форме докладов. Впервые начала работу и готовила публикации источников секция славянского права. Издание «Трудов» Славян-

¹⁷ Гудков В. П., Скорвид С. С., Цыбенко Е. З. Кафедра славянской филологии // Филологический факультет Московского университета. Очерки истории. М., 2000. Ч. 1. С. 182–219. Переиздание в 2001 г. С. 183–220; Мецкерский Н. А., Дмитриев П. А. Русское и славянское языкознание в Петербургском-Ленинградском университете за 150 лет (1819–1969) // Вестник ЛГУ. 1969. № 2. Вып. 1. История языка и литературы. С. 80–91. 2 изд. // Филологический факультет Санкт-Петербургского университета. СПб., 2000. С. 45–55; Досталь М. Ю. Кафедра славянской филологии в МГУ (1943–1948): к 60-летию её основания // Славяноведение. 2003. № 5. С. 32–47; Она же. Становление кафедры славянской филологии в ЛГУ // Проблемы славяноведения. Брянск, 2003. Вып. 5. С. 193–203 и др.

¹⁸ Досталь М. Ю. Сектор славяноведения Института истории АН СССР // Славянский альманах 2002. М., 2003. С. 253–290.

ской Комиссии не состоялось¹⁹. Не развернулась и деятельность созданного в новом Институте русского языка скорее номинального Сектора балто-славянского языкознания (1945–1946)²⁰. Все названные академические структуры по-своему решали задачи возрождения разных отраслей славяноведения в стране, но с узкой перспективы.

В конце 1940-х гг. в обстановке сплочения освобождённых славянских стран вокруг СССР стала ощущаться потребность в создании особого комплексного Института славяноведения АН СССР. Анализ механизма его воссоздания показал, что за его организацию длительно боролся академик Н. С. Державин, неоднократно посылая записки академическому руководству, но в 1945 г., в период его болезни, независимо от него в дело включились историки-слависты во главе с академиком Б. Д. Грековым. Именно им путём обращения в высшие партийные инстанции удалось убедить руководство страны в целесообразности и своевременности создания такого Института. Принципиальное решение о формировании Института на базе выше указанных структур (Сектора славяноведения, Славянской комиссии и Сектора балто-славянского языкознания) было принято и утверждено Президиумом АН СССР в июне и сентябре 1946 г. С января 1947 г. Институт славяноведения успешно выполняет задачи по комплексному изучению славянства, первоначально с явным историческим уклоном²¹.

Изучение направлений исследований советских славистов в области исследования истории славянских народов в данный период показывает, что они при всей своей специфичности и разнообразия палитры шли в русле освоения марксистской методологии. Историки-слависты в тот период создали несколько «патриотических» концепций по этногенезу (с упором на автохтонность) славян в Европе и с элементами марризма, об особой роли славянской общины в феодализации и сохранении Византийской империи, о полностью самостоятельном (без участия иностранных «ферментов») формировании ранних государств и пр., которые с развитием науки были частично или полностью отвергнуты или переосмыслены. Целям антифашистской пропаганды служили и разработки тем об «измышлениях» фашистской и немецкой историографии в области истории славян, о «вековой борьбе» между славянами и германцами, о бесконфликтном дружественном развитии отношений между славянскими народами (противоречия во внимание не принимались), о формировании славянской идеологии и солидарности и пр. В проблематике новейшей истории формировалась концепция о великой роли Октябрьской революции в создании новых славянских государств в 1918 г. и пр., о насущной необходимости сплочения стран «народной демократии» вокруг СССР и пр.²²

¹⁹ Досталь М. Ю. Славянская комиссия АН СССР (1942–1946) // Славянский альманах. 1996. М., 1997. С. 107–129.

²⁰ Подробнее см.: Бернштейн С. Б. Зигзаги памяти. Воспоминания. Дневниковые записи. М., 2002. С. 73, 78, 81–82, 90, 126 и др.

²¹ Досталь М. Ю. Неизвестные документы по истории создания Института славяноведения АН СССР // Славяноведение. 1996. № 6. С. 3–25.

²² Досталь М. Ю. Как Феникс из пепла... Гл. 5.

В то же время в кратковременный период русоцентризма и толерантности по отношению к дореволюционному научному наследию на исходе войны и вскоре после неё весьма продуктивными были публикации о научных заслугах филолога А. А. Шахматова, литературоведа А. Н. Веселовского и историка В. И. Ламанского, российских византистов о научных связях русских и зарубежных славянских учёных и пр. Они остались как непреходящая ценность в анналах науки²³.

Следует отметить, что тогда ещё коллективные труды не стали стандартом научного творчества, «мэтры» науки могли сами заменять собой целые научные коллективы и успешно пользовались этим, выдавая массу идеологически актуальной, работающей на нужды антифашистской пропаганды продукции. С высот сегодняшней науки можно, конечно, снисходительно относиться к их трудам, содержащим фактические ошибки и неточности (при отсутствии библиотек), политически ангажированным, облечённым в яркую публицистическую форму, но не следует забывать, что учёные-патриоты были идеологическими бойцами тыла, мужественно работавшими на общую Победу, без которой вообще бессмысленно говорить о дальнейшем развитии отечественного славяноведения. Никогда более славистика как средство массовой пропаганды не была столь востребована народом и обществом, способствуя подъёму патриотических чувств и воинов, сражающихся на фронтах, и работников тыла.

Тесный альянс науки и власти для достижения общих целей Победы имел и свои издержки. Воздавая должное трудам учёных-патриотов, не следует забывать парадоксы тогдашней государственной идеологии. На эйфорию Победы и попытки свободомыслия в кругах интеллигенции партийные власти ответили ужесточением идеологического контроля и попыткой отгородиться «железным занавесом» от западной – «буржуазной» – демократии, противопоставляя ей так называемую «народную» – советского типа, насаждаемую в славянских странах. В развернутых идеологических кампаниях конца 1940-х гг., особенно по борьбе с «буржуазным космополитизмом», были надолго затоптаны ростки толерантности по отношению к научному наследию дореволюционных славистов и гиперболизирован классовый подход и «партийность» в интерпретации исторических явлений и в литературоведении, поощрялось агрессивное наступление «марристов» в области языкознания. В «погромных» кампаниях особенно глубоко обнажились проблемы научной этики и допустимых пределов конформизма. От полученных в те «сумеречные» годы моральных травм учёные (и «гонимые», и совестливые «обидчики») оправлялись всю последующую жизнь²⁴.

²³ Досталь М. Ю. Как Феникс из пепла... Гл. 5.

²⁴ Алтатом В. М. История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991; Досталь М. Ю. «Борьба с космополитизмом» на историческом факультете МГУ весной 1949 г. // Интеллигенция и власть. М., 1999. С. 167–175; Горяинов А. Н., Досталь М. Ю. Проблемы научной этики в воспоминаниях С. Б. Бернштейна в 30–50-х гг. XX в. // Славянский альманах. 2000. М., 2001. С. 249–358; Досталь М. Ю. Славянское литературоведение и идеологические кампании конца 1940-х годов // Славяноведение. 2009. № 5. С. 104–116.

Что касается связей славянских учёных, без которых невозможно успешное развитие науки, то в годы Второй мировой войны они компенсировались активным участием политэмигрантов из славянских стран в работе научных центров в АН СССР и университетах. Нельзя отрицать, что они внесли определённый вклад в возрождение советского славяноведения. Следует отметить, что в 1945–1947 гг., в краткий период послевоенной «толерантности» сталинского режима, ненадолго поднялся «железный занавес», позволивший осуществлять международные связи, которые также способствовали активизации научных исследований. С одной стороны, формирование блока стран «народной демократии» способствовало расширению научных контактов славистов славянских стран и принесло первые позитивные результаты: именно славянские коллеги помогали в обучении и подготовке кадров славянских филологов в МГУ, а советские слависты читали курсы лекций в Болгарии и ЧСР. С другой стороны, эти связи воплощали определённый идеологический заказ тоталитарного государства: командировки славистов давали дополнительную информацию партийным органам о «брожении умов» славянской интеллигенции. Советские историки на правах «мэтров» марксизма осторожно наставляли тяготеющих к нему зарубежных славистов в скорейшем освоении марксистской методологии, чему особенно мог способствовать несостоявшийся съезд славистов в Москве в 1948 г.²⁵

Что касается проблем возрождения, то нельзя не провести и некоторых аналогий с периодом институционального становления отечественного славяноведения в 30–50-е гг. XIX в. Тогда самодержавная власть упреждительно откликнулась на возросшие национальные движения славянских народов организацией кафедр «истории и литературы славянских наречий» в четырёх российских университетах, закрепив их в новом университетском уставе 1835 г. Началось формирование новых курсов славистики, систематизация накопленных к тому времени знаний в отечественной науке, активное восприятие зарубежного опыта на методологии романтизма (не очень почитаемой учёными с точки зрения объективности научных результатов). Тогда в революционном 1848 г. после вмешательства властей тоже пришлось «поступиться принципами», когда министр народного просвещения С. С. Уваров потребовал толковать славяноведение не с позиций «славянской взаимности», а исходя из его пресловутой «триады»: самодержавие, православие и народность. Этот период не оставил в науке, за немногими исключениями (основополагающее «Рассуждение о славянском языке...» А. Х. Востокова, «Мысли об истории русского языка» И. И. Срезневского, «Очерк учёного путешествия по Европейской Турции» В. И. Григоровича и др.), капитальных и востребованных последующими поколениями научных трудов. Но многие из них имели, как, например, «Древние и нынешние болгары» Ю. И. Венелина, важное и непреходящее «будительское» значение. Этот ранний период отечественного славяноведения прочно вошел в анналы

²⁵ Досталь М. Ю. Международные связи советских славистов в 40-е годы XX в. // Славянский альманах. 2003. М., 2004. С. 244–294.

его истории, его значение для становления науки никем не отрицается и не игнорируется²⁶.

Необходима и реабилитация начального этапа становления советского марксистского славяноведения. Понятно, что период Второй мировой войны и последующих идеологических погромов оставил тяжёлый отпечаток на научной продукции и мышлении учёных. Методология марксизма как в его формационно-классовом подходе, так и «романтико-патриотической» редакции также не способствовала объективности результатов, так ценимых в научном мире. Наоборот, тогда, на исходе 1940-х гг. и далее, особенно поощрялась «партийность» науки. Мы почти не находим в этот период трудов не кратковременно-пропагандистского, а долгосрочного научного значения, за исключением трудов отдельных лингвистов и публикаций по истории славистики²⁷.

Но без этого подготовительного, своего рода инкубационного периода возрождения, выделение которого в истории российского советского славяноведения мы считаем необходимым, когда в трудных предвоенных и порой невыносимых военных условиях формировались кадры молодых славистов, разрабатывались университетские курсы славистических дисциплин, намечались приоритетные направления научных исследований (которые серьёзно, на основании источников, и масштабно разрабатывались позднее), стало бы невозможно последующее развитие славяноведения. Именно тогда был заложен её базовый фундамент, на котором вырос комплексный Институт славяноведения АН СССР. Кстати, образцовая организация учебного процесса, постоянные обсуждения на кафедрах и в Секторе славяноведения Института истории АН СССР, Славянской комиссии при Президиуме АН СССР, на сессиях Отделений АН СССР и пр. разнообразных по тематике докладов и научных проблем, семинары для научной молодёжи, т. е. развитие и процветание особой формы устного дискуссионного научного творчества (при трудностях публикации коллективных работ), являются не только характерной чертой рассматриваемого периода, но и несомненным образцом к подражанию для современной науки.

Таким образом, период Второй мировой войны и первые послевоенные годы был самостоятельным этапом в истории российского славяноведения. Он отмечен возрождением и одновременным формированием новых славистических центров в Академии наук и университетах, всесторонней подготовкой кадров славистов и определением долгосрочных планов и направлений научных разработок. Пожертвовав чисто научной стороной исследований в пользу патриотической публицистики во имя общей Победы, мимикрируя под постоянным нажимом идеологических кампаний, советские слависты всё же сумели заложить прочные основы для дальнейшего развития отечественного

²⁶ Подробнее см.: *Лантева Л. П.* История славяноведения в России в XIX в. М., 2005. Гл. 2-3 и др.

²⁷ *Досталь М. Ю.* Проблемы славяноведения (общеславянский аспект) на страницах «Исторического журнала» в годы Великой Отечественной войны // Проблемы славяноведения: сб. науч. ст. и матер. Брянск, 2001. Вып. 3. С. 291–308 и др.

славяноведения. И эти временные, подготовительные жертвы не напрасны, они достойны уважения и внимания соотечественников.

Список литературы:

1. *Аржакова Л. М.* Кафедра истории славянских и балканских стран // Исторический факультет Санкт-Петербургского университета. 1934–2004. СПб., 2004.
2. *Белявская И. М., Очак И. Д.* Некоторые проблемы истории зарубежных славянских народов в советской исторической науке // Славянская историография. М., 1966.
3. *Бернштейн С. Б.* Советской славянской филологии 50 лет // Советское славяноведение. 1967. № 5.
4. *Бернштейн С. Б.* Трагическая страница из истории славянской филологии (30-е годы XX века) // Советское славяноведение. 1989. № 1.
5. *Горяинов А. Н.* Славяноведы – жертвы репрессий 1920–1940-х годов. Некоторые неизвестные страницы из истории советской науки // Советское славяноведение. М., 1990. № 2.
6. *Горяинов А. Н., Досталь М. Ю.* Проблемы научной этики в воспоминаниях С.Б. Бернштейна в 30–50-х гг. XX в. // Славянский альманах 2000. М., 2001.
7. *Готье Ю. В.* Славяноведение в России и СССР (Публикация А. Е. Москаленко) // Из истории университетского славяноведения в СССР. М., 1983.
8. *Гудков В. П., Скорвид С. С., Цыбенко Е. З.* Кафедра славянской филологии // Филологический факультет Московского университета. Очерки истории. М., 2000. Ч. 1.
9. *Державин Н. С.* О задачах советского славяноведения // Славяне. 1947. № 9.
10. *Державин Н.С.* Историческая наука у славян и задачи советского славяноведения // Исторический журнал. 1942. № 1.
11. *Досталь М. Ю.* Неизвестные документы по истории создания Института славяноведения АН СССР // Славяноведение. 1996. № 6.
12. *Досталь М. Ю.* Славянская комиссия АН СССР (1942–1946) // Славянский альманах. 1996. М., 1997.
13. *Досталь М. Ю.* «Борьба с космополитизмом» на историческом факультете МГУ весной 1949 г. // Интеллигенция и власть. М., 1999.
14. *Досталь М. Ю.* Становление кафедры славянской филологии в ЛГУ // Проблемы славяноведения. Брянск, 2003. Вып. 5.
15. *Досталь М. Ю.* Кафедра славянской филологии в МГУ (1943–1948): к 60-летию её основания // Славяноведение. 2003. № 5.
16. *Досталь М. Ю.* Сектор славяноведения Института истории АН СССР // Славянский альманах 2002. М., 2003.
17. *Досталь М. Ю.* Кафедра истории южных и западных славян МГУ накануне и в годы Великой Отечественной войны: к 65-летию основания // Славяноведение. 2004. № 4.

18. *Досталь М. Ю.* Международные связи советских славистов в 40-е годы XX в. // Славянский альманах 2003. М., 2004.
19. *Досталь М. Ю.* Проблемы славяноведения (общеславянский аспект) на страницах «Исторического журнала» в годы Великой Отечественной войны // Проблемы славяноведения: сб. науч. ст. и матер. Брянск, 2001. Вып. 3.
20. *Досталь М. Ю.* Славистика между пролетарским интернационализмом и славянской идеей (1917–1941) // Славянский альманах. 2006. М., 2007.
21. *Досталь М. Ю.* Славистика между пролетарским интернационализмом и славянской идеей (1941–1948) // Славяноведение. 2007. № 2.
22. *Досталь М. Ю.* Славянское литературоведение и идеологические кампании конца 1940-х годов // Славяноведение. 2009. № 5.
23. *Досталь М. Ю.* Проблема возрождения российской славистики перед Второй мировой войной в отечественной историографии // Славянский альманах. 2004. М., 2005.
24. *Королюк В. Д., Хренов И. А.* Итоги и задачи славистических исследований в СССР (1945–1959) // Вопросы истории. 1960. № 6.
25. *Лаптева Л. П.* К вопросу об основных этапах развития отечественного славяноведения (1835–1985) // Вопросы историографии и истории зарубежных славянских народов. М., 1987.
26. *Лаптева Л. П.* История славяноведения в России в XIX в. М., 2005.
27. *Лаптева Л. П.* Кризис славяноведения в России в период с 1917 до середины 30-х годов // Slavia. Časopis pro slovanskou filologii. Praha, 2010. Roč. 79.
28. *Маслов Ю. С.* Изучение южных и западных славянских языков в СССР за последние десять лет. М., 1955.
29. *Мещерский Н. А., Дмитриев П. А.* Русское и славянское языкознание в Петербургском-Ленинградском университете за 150 лет (1819–1969) // Вестник ЛГУ. 1969. № 2. Вып. 1. История языка и литературы.
30. *Мещерский Н. А., Дмитриев П. А.* Русское и славянское языкознание в Петербургском-Ленинградском университете за 150 лет (1819–1969): 2 изд. // Филологический факультет Санкт-Петербургского университета. СПб., 2000.
31. *Неедлы З.* К истории славяноведения до XVIII века // Историк-марксист. 1941. № 2.
32. *Ненашева З. С.* Истории южных и западных славян кафедры // Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет. М., 2004.
33. *Никитин С. А.* Работы советских учёных в области истории и филологии зарубежных славян // Славяне. 1948. № 5.
34. *Пичета В. И.* К истории славяноведения в СССР // Историк-марксист. 1941. № 3.
35. *Пичета В. И., Шустер У. А.* Славяноведение в СССР за 25 лет // 25 лет исторической науки в СССР. М.; Л., 1942.

36. Пичета В. И. Академия наук и славяноведение // Вестник Академии наук. 1945. № 5–6.
37. Сидоров А. Л. Достижения советской науки в изучении истории славянских народов // Славяне. 1948. № 6.

THE BASIC FEATURES OF A STAGE OF REVIVAL AND FORMATION OF DOMESTIC SLAVIC STUDIES IN THE LATE 1930'S AND 1940'S

M. Ju. Dostal

The Russian Academy of Sciences,
Slavic studies institute, Moscow

In article features of a stage of revival and formation of Slavic studies in USSR on a Marxist basis in the Second World War and the first post-war years. The author conclusions are based on studying of considerable number of archival documents and firstly published sources.

Keywords: *history of the Russian Slavic studies, history of the Slavic people, Slavic philology, Slavic ideology, totalitarianism, cosmopolitanism.*

Об авторе:

ДОСТАЛЬ Марина Юрьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

E-mail: slavjane@rambler.ru

DOSTAL Marina Yur'evna – Kandidat of History, senior researcher of the Institute of Slavic studies of the Russian Academy of Sciences.

Статья поступила в редакцию 29.10.2010